

Наталья Николаевна Приступа

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь, 220030, ул. Советская, 18.
E-mail: pnatalka@rambler.ru

Концепция экономической свободы на страницах чехословацкой эмигрантской и самиздатской периодики (1985–1989 гг.)

На основе анализа публикаций эмигрантской и самиздатской периодики в статье раскрывается сущность понятия «экономическая свобода» в трактовке чешских диссидентов. Акцентируется внимание на том, что оно стало центральным элементом трансформации экономической системы в стране в 1990-е годы. Подчеркивается, что мощным внешним фактором, активизировавшим процесс его концептуального наполнения, стала перестройка в СССР и сама личность М. С. Горбачева. Анализ содержания понятия проводился через призму таких аспектов развития экономики, как государственное регулирование, феномен частной собственности, система налогообложения, принцип верховенства закона, наличие свободного доступа во все отрасли экономики. Это позволило сделать вывод о том, что по многим характеристикам видение «экономической свободы» чешскими диссидентами соотносилось с существовавшими тогда и развившимися позже представлениями об экономической свободе и ее месте в жизни общества и государства. В статье также показана разнообразная палитра настроений и представлений о будущем Чехословакии в условиях открывшегося для нее окна возможностей, при этом не упускалась из виду центральная роль экономической свободы в достижении свободного общества. Кроме того, исследование взглядов чешских диссидентов на перестройку и роль М. С. Горбачева в ней сделало возможным проследить, как эволюционировало их отношение к процессам, разворачивавшимся как в самом Советском Союзе, так и в их собственной стране. Анализ этой позиции ценен и тем, что позволил не только показать, какой образ СССР и самого Генерального секретаря ЦК КПСС был создан на страницах нелегально издававшихся журналов, но и определить уровень развития экономической мысли в Чехословакии, которая после подавления «Пражской весны» развивалась в сложных условиях, но, тем не менее, смогла воспринять передовые идеи и развить их.

Ключевые слова: Чехословакия, экономическая свобода, экономические преобразования, диссиденты, самиздат, перестройка

Статья поступила в редакцию: 24 июня 2024 г.

Статья принята к печати: 2 августа 2024

Цитирование: Приступа Н.Н. Концепция экономической свободы на страницах чехословацкой эмигрантской и самиздатской периодики (1985–1989 гг.) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 362–382. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.12>.

Сегодня экономическая свобода признается фундаментальным правом каждого человека, она уже является не столько самоцелью, сколько основой правового государства и обязательным условием функционирования гражданского общества. Однако так было далеко не всегда. Изначально концепт трактовался как свобода торговли и конкуренции, невмешательство государства в экономику. Более того, экономическая свобода рассматривалась не отдельно, а лишь как один из аспектов свободы в целом и через призму таких категорий, как свобода воли и свобода выбора. После завершения Второй мировой войны в поисках эффективной модели экономического развития дискуссии вспыхнули с новой силой. Они не обошли стороной и Восточную Европу, накопившую во второй половине XX в. опыт неудавшихся экономических реформ.

Цель статьи — показать, как под влиянием перестройки в СССР в среде чехословацких диссидентов активизировался поиск ответов на вопрос, как преодолеть не только кризисные явления, но и деформации командно-административной экономики. В их экспертном сообществе крепла убежденность в том, что успешность грядущей трансформации зависит от экономической свободы и механизмов ее реализации. Поэтому, обращаясь к советскому и собственному опыту, а также опираясь на достижения мировой экономической науки, они представили свою точку зрения на внутреннюю структуру экономической свободы. Правда, познакомиться с их мнением во второй половине 1980-х годов можно было только обратившись к диссидентской и эмигрантской печати.

Экономическая свобода: краткий обзор подходов

В XX в. внимание к экономической свободе возросло. Среди видных экономистов, в чьих работах исследовалась ее сущность и внутренняя структура, формы проявления и механизмы реализации, можно назвать одного из основоположников неоклассического

направления в экономической науке Альфреда Маршалла (1842–1924), видного представителя австрийской школы экономики Фридриха Августа фон Хайека (1899–1992), американского экономиста-неолиберала Милтона Фридмана (1912–2006)¹. Они трактовали свободу как проявление субъективной природы человека, а ее внедрение в экономическую жизнь общества — как создание условий для удовлетворения потребностей человека с учетом его индивидуальных предпочтений и ограниченности ресурсов. Экономическая свобода индивида тем больше, чем шире возможности выбора. Немецкий экономист Вальтер Ойкен (1891–1950) сделал упор на роли государства, так как «обеспечение свободы может стать угрозой для этой свободы»². Значительный вклад в разработку проблемы экономической свободы внесли выходцы из стран Центральной Европы, в частности, известный венгерский экономист Янош Корнай (1928–2021) и его чешский коллега Ота Шик (2019–2004). Первый из них аргументированно доказал необходимость рыночных отношений и экономической свободы, которая «обладает значительной инструментальной ценностью, способствуя реализации таких фундаментальных ценностей, как повышение материального благосостояния людей»³ и от реализации которой зависит эффективность хозяйствования. Второй также активно защищал идеи рынка и экономическую свободу с целью поддержания здоровой конкуренции между производителями⁴.

Даже такой небольшой обзор взглядов на природу и сущность экономической свободы свидетельствует о многогранности, сосуществовании личного и социального. И более того, в реалиях командно-административной экономики к ней также сохранялся интерес. Особенно это актуально для Чехословакии в 1960-е годы, где для преодоления кризисных явлений взяли курс на экономическую реформу. В среде чешских экономистов росла убежденность в неотъемлемости свободы, проявлению которой препятствовали недостатки в планировании, стимулировании труда, организации производства и управлении экономикой. Преодоление этих препятствий

¹ Маршалл 1993; Фридмен, Хайек 1985.

² Ойкен 1995: 109.

³ Корнай 2011: 276.

⁴ Šik 1967: 340.

автоматически трактовалось как расширение экономической свободы⁵. Ошибочность таких подходов подтвердил провал реформы. Тем не менее, новое поколение экономистов, в числе которых наибольшей известностью пользовались Вацлав Клаус (род. в 1941 г.), Любомир Млчох (род. в 1944 г.) и Мирослав Томс (1944–1988), внесли значительный вклад в развитие экономической науки Чехословакии. И хотя «критика буржуазных теорий» была обязательной, они, как отмечено в чешской историографии, изучали современные экономические теории. Их интерес сосредоточился вокруг двух экономических школ того времени — школы неоклассического синтеза, главным популяризатором которой был Пол Энтони Самуэльсон (1915–2009), и австрийской школы, представленной работами Людвига фон Мизеса (1881–1973) и Ф. А. фон Хайека⁶.

По мере разворачивания в ЧССР политики «нормализации»⁷ одна часть экономистов поддержала происходившие в стране процессы, вторая — либо эмигрировала, либо лишилась работы и вернулась в профессию лишь в конце 1980-х годов. Представители второй группы и продолжили развивать идеи об экономической свободе: кто, публикуясь за границей, а кто — на страницах диссидентских изданий. Однако экономическая проблематика составляла относительно небольшой объем выходивших из печати текстов и только с избранием Михаила Сергеевича Горбачева (1931–2022) на пост Генерального секретаря ЦК КПСС и разворачиванием перестройки в СССР эти темы зазвучали чаще и в последующем стали базисом концепции рыночных преобразований в стране. И именно экономической свободе отводилось ведущее место. Раскрыть же ее сущность представляется возможным через призму общественных отношений, сложившихся в Чехословакии в те годы, что и было предпринято в статье.

Выразителями прогрессивных экономических взглядов были ученые, либо оказавшиеся в эмиграции, либо ставшие участниками

⁵ Шик О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. С. 160–163, 171–173.

⁶ Klacsek, Kupka 2018: 113.

⁷ Период 1969–1989 гг. чаще всего называют «нормализацией», что символизирует не только ближайшую цель руководства КПЧ после апреля 1969 г., но и необходимость сгладить негативные для власти последствия Пражской весны. Страх реформ и осознание их опасности определяли подход представителей режима к решению политических и экономических проблем.

диссидентских организаций. Хотя, следует признать, что в 1970-е годы некоторые экономисты смогли повышать квалификацию и реализовать себя в науке, занимаясь смежными дисциплинами. Они же получили возможность представить наработки на экономических семинарах, организованных В. Клаусом в Государственном банке Чехословакии в 1980–1985 гг. Тем самым и те и другие внесли серьезный вклад в развитие экономической науки страны, формирование нового уровня экспертной критики, создание альтернативных вариантов перестройки экономики.

Этот этап развития экономической мысли в Чехословакии остается, однако, незаслуженно в стороне от интереса ученых, уступая другим течениям и направлениям оппозиционного движения. Даже среди чешских и словацких историков, являющихся первопроходцами в разработке истории диссидентского движения в Чехословакии в 1969–1989 гг., эта тема не пользуется популярностью. Отдельные ее аспекты вскользь затрагиваются в работах авторитетного чешского историка Милана Отагала⁸, который представил многоплановую картину оппозиционных настроений в чешском обществе, выделил этапы как режима «нормализации», так и диссидентского движения. Его внимание было сосредоточено преимущественно на гражданских и политических инициативах, остановился он и на «пробуждении» общества во второй половине 1980-х годов, активизации творческой интеллигенции и студенчества накануне падения коммунизма в Чехословакии. Из российских исследователей авторитетом пользуются труды Эллы Григорьевны Задорожнюк⁹. В ее фундаментальной работе «От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.)» показана эволюция программных установок различных независимых инициативных групп, представлена их типология. Однако экономические сюжеты также преимущественно не попадали в фокус исследовательницы. Это в равной степени относится и к работе канадского историка Гарольда Гордона Скиллинга «Самиздат и независимое общество в Центральной и Восточной Европе»¹⁰, где предпринята

⁸ Otáhal 1994; Otáhal 2011.

⁹ Задорожнюк 2008.

¹⁰ Skilling 1989.

попытка проанализировать активность отдельных лиц и групп так называемого независимого общества или «альтернативного или параллельного сообщества», которые стали основой для формирования гражданского общества в Чехословакии (Чехии и Словакии). Много внимания уделяется здесь и подпольной издательской деятельности. Скиллинг подчеркнул ее некоторую историческую преемственность с ранними видами цензурированного письма и охарактеризовал как средство коммуникации. Таким образом, наследие независимых чешских экономистов второй половины 1980-х годов до сих пор остается малоизученным.

Чехословацкие диссиденты и их периодика

Оппозиционное движение в Чехословакии, активизировавшееся после ввода в эту страну войск Организации Варшавского договора в 1968 г., прошло несколько этапов в развитии. Последний из них (1985–1989 гг.) характеризовался появлением новых структурных элементов. Как отметила Э. Г. Задорожнюк, лозунги советской перестройки вернули в ряды оппозиционеров часть коммунистов, включая тех, кто еще в 1968 г. занимал высокие посты и способствовал появлению новых независимых гражданских структур (Демократической инициативы, Движения за гражданскую свободу, Клуба за социалистическую перестройку — «Возрождение» и др.). Это подтолкнуло диссидентов взять «на себя миссию представительства всего спектра движения, хотя факты показывают, что они были лишь одной из составных его частей»¹¹. Причем и «старые» участники (Хартия 77, например) задумались о том, что делать дальше. Если раньше на первое место выходили вопросы, связанные с защитой политических прав и свобод граждан, то в эти годы все больше внимания стало уделяться экологии и качеству окружающей среды, религиозной политике государства, состоянию экономики и уровню жизни. Менялись не только идеологические установки, но и формы деятельности¹². Тогда же (период так называемого позднего самиздата¹³) самиздатское книгоиздание в Чехословакии достигло пика: выросло как

¹¹ Задорожнюк 2008: 299.

¹² Otáhal 2011: 316–327.

¹³ Machovec 2009: 18.

количество самих изданий, так и количество читателей, имевших доступ к публикациям так называемой серой зоны¹⁴.

Источниковой базой данного исследования являются статьи эмигрантской и самиздатской периодики. Их авторы — главным образом, чехи. В Словакии, как отмечено в историографии, в силу менее репрессивной культурной политики и относительно меньшего количества независимых инициатив самиздат не получил такого развития, как в Чехии и Моравии¹⁵. Эти периодические издания затрагивали преимущественно гуманитарно-правовые темы, политику и культуру, однако было несколько и экономических изданий. В первую очередь, это *Ekonomická revue* («Экономический журнал»), который выходил в Праге. Помимо оригинальных материалов там публиковались и заимствованные статьи из других самиздатских журналов, а также переводы зарубежных экспертов. Как отметил в 1989 г. один из редакторов, журнал фактически состоял из отдельных рукописей, имевших единые заголовки и содержание, а перестал издаваться «в связи с повышением уровня освещения экономики в официальной прессе»¹⁶. Другим специализированным журналом, появившимся в 1980-е годы, был *Ze zaskvny i z bloku* («Из ящика и из блокнота»). Из названия следовало, что планировалось издавать как старые тексты («из ящика»), так и новые («из блокнота»). Правда, это не всегда удавалось, и потому журнал иногда в шутку называли «Из ящика в ящик»¹⁷. Его авторы — те журналисты, историки, экономисты и политологи, которые не могли официально работать после 1968 г. Читали издание в основном те же авторы, а также некоторые группы рабочих. Экономические сюжеты появлялись и на страницах журнала *Komentáře* («Комментарии»), выходившего 2–4 раза в год, который фокусировался на международной политике и включал в себя как оригинальные материалы, так и перепечатанные из зарубежной прессы.

¹⁴ *Серая зона* — термин, впервые, как предполагается, употребленный чешским писателем Йозефом Шкворецким (1924–2012) в одном из англоязычных эссе. Он использовал его как метафору для обозначения тех граждан, которые, хотя и оставались «молчаливыми», то есть не присоединялись к диссидентам в их протестах, но и не соглашались с установками КПЧ и, таким образом, представляли скрытую угрозу самому режиму (Machovec 2009: 18).

¹⁵ Posset 1991: 6.

¹⁶ Posset 1991: 50–51.

¹⁷ Posset 1991: 171.

Из эмигрантской периодики особого внимания заслуживает журнал *Svědectví* («Свидетельство»). Первый его номер увидел свет в Нью-Йорке в октябре 1956 г. С 1960 г. издавался в Париже, а в 1990–1992 гг. — в Праге. Редактором был Павел Тигрид (1917–2003), убежденный в возможности эволюции самих коммунистических партий. Эта установка допускала проведение в будущем политических и экономических реформ и, как следствие, — конец тоталитаризма. Такая концепция сдержанно и даже негативно воспринималась частью политического представительства в изгнании, из-за чего некоторые основатели журнала покинули редакционный совет. Несмотря на то, что журнал издавался за границей, он предназначался, прежде всего, читателям в Чехословакии. Поэтому его и квалифицируют как эмигрантский, а не как тамиздат. Первый номер вышел тиражом 1 тыс. экземпляров (150 из них переправлены на родину), а последний — 21 тыс. экземпляров (15 тыс. экземпляров — в Чехословакию)¹⁸. Такой подход сказался на содержании журнала *Svědectví*: главным образом освещалась внутри- и внешнеполитическая ситуация.

Надежды на перемены

Избрание Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС знаменовало начало нового этапа в развитии не только Советского Союза, но и стран Восточной Европы. В Чехословакии многие восприняли первые его заявления и действия с оптимизмом. Это касалось как части партийно-государственной элиты Чехословакии (к примеру, премьер-министра ЧССР в 1970–1988 гг. Любомира Штроугала (1924–2023), еще в 1982 г. разработавшего план коренных изменений экономической политики государства), так и рядовых граждан. Не остались в стороне и чешские и словацкие оппозиционные политики, которые с вниманием и интересом наблюдали за происходившим в СССР. Ведь инициированное Горбачевым реформирование политического процесса внутри страны было тесно связано с экономической и социальной трансформацией, а также изменением внешнеполитического курса. Поэтому-то чехословацкие диссиденты и связывали большие надежды на перемены с личностью нового советского лидера и одновременно разрабатывали программу реформ

¹⁸ Formanová, Gruntorád, Přibán 1999: 73.

в собственной стране. Тем более, что после прихода Горбачева к власти значение оппозиции в Чехословакии возросло, она перешла к более активной политической борьбе с режимом «нормализации» и как никогда ранее сомневалась в самой возможности его дальнейшего существования.

Политика нового советского лидера воспринималась по-разному, но в любом случае отношение к нему эволюционировало по мере того, как обманывались ожидания. Поначалу формировался позитивный, порою идеальный образ. На страницах журнала *Ekonomická revue* констатировался такой высокий уровень веры в сверхспособности Горбачева¹⁹ решить все проблемы и сделать «мир краше», что его даже называли «современный король Ечминек»²⁰. С одной стороны, такое сравнение свидетельствует об ожиданиях (даже сверхожиданиях), связанных с тем, что Горбачев сможет вывести их страну из кризисного состояния. С другой стороны, указывает на убежденность в плачевном состоянии, в котором оказались СССР и страны Восточной Европы. И, наконец, подтверждает тот факт, что личность Горбачева с самого начала обрастала легендами, и иногда было сложно отделить вымысел от реального положения дел.

По мнению чешского политика-коммуниста и в прошлом однокурсника Горбачева Зденек Млынарж (1930–1997), все это происходило из-за отсутствия должной информации, и потому многие поверхностно размышляли о возможной роли Генерального секретаря ЦК КПСС в Кремле. В доказательство Млынарж приводил примеры из газет и журналов, когда тот в глазах журналистов представлялся «прагматиком и способным управленцем», причем последнее использовалось как комплимент, и на первый план выдвигалось все то, что так или иначе диссонировало с предшественниками. В частности, они не забыли отметить, что в ходе визита в Лондон Горбачев не посетил могилу Маркса, но не забыл «купить своей жене такие же

¹⁹ Gorbačov — a co dál? // *Ekonomická revue*. 1985. № 18. S. 1.

²⁰ *Король Ечминек* — легендарный защитник Моравии (чешск. *ječten* — ячмень). Его отец в порыве гнева хотел казнить жену, пользовавшуюся народной любовью, но та спаслась бегством и родила сына в ячменном поле. Король безуспешно искал жену и единственного сына, пока однажды отшельник не сказал ему, что из-за грехов он их не достоин, и предрек, что сын вернется, когда настанут последние времена. Легенда жила в веках, Франтишек Сеафинский Прохазка (1861–1939) написал поэму «Король Ечминек» (1904 г.), композиторы Цирил Методей Граздир (1868–1926) — одноименную оперу (1904 г.), Карел Горки (1909–1988) — балет (1951 г.).

серьги, как и у миссис Тэтчер»²¹. Сам Млынарж был убежден, что с приходом Горбачева к власти закончилась «политика, ориентированная, главным образом, на прошлое, политика “от похорон к похоронам”», когда решение насущных проблем откладывалось и приводило к стагнации. И так как Горбачев и функционеры его поколения являлись носителями другого жизненного и политического опыта, чем у их предшественников, перед ними открывались реальные возможности самореализации²². Впервые, как отмечалось, во главе государства оказался человек, чья личность не была сформирована «ни опытом старой революционной гвардии, ни опытом фронтового прошлого»²³. И это давало шанс «малым европейским странам»²⁴.

Горбачев представал человеком умным, концептуально мыслящим, прагматичным, умеющим гибко реагировать на ситуацию²⁵. Среди положительных его черт отмечались образованность, самостоятельность и конкретность мышления²⁶, обаяние (дублировалось мнение американских политиков о том, что президент США в 1981–1989 гг. Рональд Рейган (1911–2004) утратил монополию на умение производить эффект, так как советский лидер отлично чувствовал себя перед камерой, ничем не уступая профессиональному актеру²⁷). При этом не было забыто ставшее знаменитым высказывание бывшего министра иностранных дел СССР в 1957–1985 гг. А.А. Громыко (1909–1989) о Горбачеве как о человеке с «приятной улыбкой, но имевшем железные зубы»²⁸. И уже тогда эмигрантский журнал *Svědectví* в рубрике «Заметки к событиям» приводил слова журналиста венгерского происхождения Пауля Лендваи (род. в 1929 г.), который не исключал вероятности того, что «правлящим и управляемым из государств-сателлитов неподвижность никчемных и больных старцев из Кремля может показаться счастливым временем в сравнении с непредсказуемыми последствиями деятельности Горбачева, который решал внутриблочные

²¹ *Mlynář Z. Můj spoližák Gorbačov // Svědectví. 1985. R. XIX. № 75. S. 534.*

²² *Ibid. S. 537.*

²³ *Gorbačov – a co dál? S. 2.*

²⁴ *Mlynář Z. Můj spoližák Gorbačov. S. 537.*

²⁵ *Éra Gorbačova? – Bilance roku. Uplatní se část ledovce skrytá pod hladinou? // Ze zasuvky i z bloku. 1986. № 7. S. 7–8.*

²⁶ *Gorbačov – a co dál? S. 2.*

²⁷ *Ibid. S. 3.*

²⁸ *Lendvai P. Kdopak by se Míši bál? // Svědectví. 1986. R. XX. № 79. S. 484.*

проблемы со свойственной ему агрессивностью и динамизмом»²⁹. В последующем открытость советского лидера переносилась и на саму перестройку, которая, как отмечалось, носила «открытый характер», что и стало ее силой³⁰. Это, тем не менее, не помешало признать экономическую реформу как проведенную «вслепую»³¹, а результаты, несмотря на заявленные глобальные цели, — незначительными. Главным итогом назывался хаос³². Чешские диссиденты пытались понять, чем был обусловлен феномен Горбачева, и одну из главных причин его популярности (прежде всего в начале его пути) видели в «жажде правды» советского общества³³. А риторику о необходимости революционных перемен объясняли в том числе и тем, что Горбачеву не удалось избежать комплекса «большого скачка», свойственного всем советским лидерам³⁴.

Приступая к реформам, Горбачев был убежден в том, что кадры решают все, и дал добро на кадровые перестановки. Признавая позитивный характер этих перемен, эти же диссиденты были, тем не менее, уверены в наивности убеждений, что «сами перестановки без системных изменений смогут решить проблемы СССР, особенно экономические»³⁵. И справедливо предвидели, что вскоре наступит «час истины», который покажет, как «новые люди» с их сообразительностью, креативностью и концептуальностью смогут справляться с трудностями и принимать решения в ответ на новые вызовы³⁶. А самому Горбачеву уже придется держать ответ и войти в историю не просто как критику политики своих предшественников и автору программы нового будущего для своего народа³⁷. В связи с этим многие высказывали опасения, не придется ли ему пересмотреть свои взгляды под влиянием радикализации общественных настроений и обострения социально-экономической ситуации.

²⁹ *Lendvai P.* Kdopak by se Miši bal? S. 488.

³⁰ *Jičínský Z.* Úvaha o sovětské přestavbě // *Ze zasuvky i z bloku.* 1989. № 20. S. 145.

³¹ *Kadlec V.* Ekonomická reforma naslepo? // *Ze zasuvky i z bloku.* 1989. № 23/24. S. 37.

³² *Guetta B.* Muž nejisté budoucnosti // *Svědectví.* 1989. R. XXII. № 88. S. 761.

³³ *Gorbačov — a co dál?* S. 1.

³⁴ *Ibid.* S. 4.

³⁵ *Éra Gorbačova? — Bilance roku. Uplatní se část ledovce skrytá pod hladinou?* // *Ze zasuvky i z bloku.* 1986. № 7. S. 8.

³⁶ *Ibid.* S. 9.

³⁷ *Ibid.* S. 15.

Тем не менее, на страницах эмигрантской и самиздатской периодики выражалась надежда, что кадровые перестановки будут иметь эффект «волны» и затронут все сферы жизни советского общества, а затем и социалистических стран³⁸. Это было очень актуально для Чехословакии, где ротация правящей элиты не произошла: на всех уровнях партийно-политической структуры существовавший кадровый состав не изменился (более того, состав самого Президиума ЦК КПЧ еще и расширился). И только Милош Якеш (1922–2020) сменил в 1987 г. Густава Гусака (1913–1991) на посту Генерального секретаря ЦК КПЧ. За это те, кто находился во главе чехословацкого государства, подвергались критике, так как не воспользовались в полной мере предоставленным шансом «стать активным субъектом истории»³⁹.

Концепция экономических преобразований в СССР была сформулирована Горбачевым в докладе на Всесоюзном совещании по проблемам научно-технического прогресса, состоявшемся 11–12 июня 1985 г. Ее суть состояла в увеличении капиталовложений в машиностроение, эффективном использовании высоких технологий, расширении права предприятий, внедрении хозрасчета, повышении ответственности и заинтересованности трудовых коллективов⁴⁰. Эти идеи получили дальнейшее развитие в докладе Генерального секретаря на XXVII съезде КПСС (февраль-март 1986 г.), где провозглашался курс на «совершенствование социализма»⁴¹. При этом все чаще Горбачев и его последователи предпочитали использовать термин «экономическая реформа», часто с прилагательным «глубокая», чего в Чехословакии не было. Чешские диссиденты полагали, что на самом деле важны не слова, а сущность происходившего. В доказательство приводилась позиция Штроугала, который, по их мнению, «всегда был на несколько шагов впереди в оценке действительности». Когда многие еще восхваляли «успехи» нормализации, занимали выжидательную позицию в отношении Горбачева, Штроугал имел смелость заявить, что придется «глубоко переоценить некоторые наши

³⁸ *Jičínský Z.* Poznámky k současné československé politiceitioe // *Ze zasuvky i z bloku.* 1986. № 8. S. 30.

³⁹ *Ibid.* S. 33.

⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 1. Май 1985 г. — февраль 1986 г. С. 39–61.

⁴¹ Там же. М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 2. Февраль — декабрь 1986 г. С. 100–147.

нынешние взгляды и концепции до такой степени, что мы даже сами пока не можем себе этого представить»⁴². А сам комплекс мер, который уже второй год представлял собой «более совершенную» форму механизма функционирования чехословацкой экономики, оценил в духе тех экономистов, кто находился вне официальных структур, и отметил частичный характер предпринимавшихся шагов, которым «недостает комплексности и необходимой глубины» и которые «не вполне соответствуют требованиям и нуждам интенсификации экономики»⁴³.

Такое пристальное внимание к происходившему в СССР и лично к Горбачеву объяснимо. Ведь это позволяло не только понять сущность заявленной там перестройки, но и оценить перспективы своей страны. Однако, когда надежды на «экспорт перемен» не оправдались⁴⁴, диссиденты стали яснее осознавать, что действительные изменения в стране могли стать делом рук самих граждан Чехословакии, и взялись за выработку плана действий.

Свобода как базис экономического роста и процветания

Важнейшим в этой концепции реформ в Чехословакии (позже Чехии и Словакии) стало понятие «экономическая свобода», содержание которого диссиденты пытались раскрыть в том числе и через анализ ситуации в СССР во второй половине 1980-х годов. Они справедливо полагали, что экономическая свобода существенно меняет жизнь каждого человека, позволяет ему приобретать собственность, торговать с другими людьми и жить по своему усмотрению, то есть экономическая свобода призвана, с одной стороны, обогатить жизнь людей, а с другой — оказывать воздействие на экономическую политику государства и ее результаты. Какие же, по их мнению, действия необходимо было предпринять, чтобы вернуть экономическую свободу в жизнь как советских граждан, так чехов и словаков.

Одним из ключевых вопросов в концепции преобразований в СССР была роль государства в экономике. Чешские экономисты уделяли этой проблеме большое внимание, так как государственное

⁴² Po příkladu čínské císařovny? Úvaha posjezdova // Ze zasuvky i z bloku. 1986. № 7: 4.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Задорожнюк 2008: 217.

регулирование традиционно тесно связывалось с экономической свободой. Так, роль государства в свободном обществе признавалась ограниченной. С этой точки зрения, правительство имело право контролировать негативные внешние эффекты (например, загрязнение воздуха и воды, безопасность продуктов питания и транспортных перевозок и т. п.). Но даже в этих сферах оно должно было выступать как «один из рыночных партнеров»⁴⁵. Это перекликается с современным представлением о том, что минимальная степень регулирования, позволяющая государству выполнять свои законные задачи, и может повысить индивидуальное благосостояние и экономическую свободу⁴⁶.

Это отчасти признавалось в диссидентской среде. Они считали недостаточным снижение или изменение плановых показателей при сохранении централизованного планирования как такового. И уже в 1985 г. говорили о необходимости порвать с административной системой и перейти к рыночным механизмам⁴⁷. На этом этапе они активно обсуждали опыт чехословацкой экономической реформы 1960-х годов, советскую реформу оценивали как переходную, а Горбачева критиковали за непонимание рисков сохранения регулирования при расширении полномочий предприятий. Более того, его подход, «не радикальный и не убедительный», по своей сути, напомнил им изречение Горация *Desinit in piscem mulier formosa superne* («Начал за здравие, а кончил за упокой»)⁴⁸. Они исходили из убежденности в том, что централизованное планирование являлось одним из столпов экономического развития, поэтому даже самая «радикальная “перестройка”» на этом и остановится⁴⁹.

Общим знаменателем, который лежит в основе любой либеральной философской трактовки экономической свободы, является частная собственность. На страницах диссидентской периодики отмечалось, что в предшествовавший период «централисту́ская и бюрократическая система управления экономикой» исходила из того,

⁴⁵ Jílek O. Vlastnické vztahy a ekonomická reforma // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 55.

⁴⁶ Block (ed.) 1991: 99.

⁴⁷ Gorbačov — a co dál? S. 6.

⁴⁸ Mandel E. Gorbačovovo dilemma — konec nehybnosti // Komentáře. 1986. № 15. S. 41.

⁴⁹ Ve věci Gorbačov // Svědectví. 1987. R. XX. № 80. S. 716.

что высшим субъектом собственности выступает государство, представленное его правительством⁵⁰. В этом выделась основная причина всех негативных тенденций, имевших место в экономике СССР и Чехословакии, и требовавшая незамедлительного решения. Пока речь шла только о том, что субъектами собственности должны были выступать предприятия и кооперативы. А что касается транспортных перевозок, связи и энергетики, то эти полномочия должны быть делегированы государственным хозяйственным организациям. Такой подход не вписывается в современное видение экономической свободы, которая включает права, прежде всего, индивидов, а не групп или коллективов. При этом абсолютно коррелирует с легитимной, но ограниченной ролью государства или правительства в обеспечении экономической свободы через признание за ним таких законных задач, как поддержание правопорядка, оборону от внешних врагов, определение и защиту прав собственности, обеспечение исполнения добровольно заключенных договоров, а также предоставление разнообразных общественных услуг⁵¹.

Важным элементом, позволяющим оценить степень экономической свободы, является налогообложение. Ведь после того, как государство передало (или присвоило себе) какую-либо задачу, ему требуются ресурсы для ее выполнения, и получить их оно может путем сбора налогов, заимствования или выпуска собственных денег. Налогообложение, по своей сути, является принудительным. Получается, что в какой-то степени государственный контроль над экономической деятельностью ущемляет экономическую свободу личности. Более того, каждый рубль или, в случае с Чехословакией, крона, взимавшаяся в виде налогов, сокращала личное потребление ровно на один рубль или крону. Сегодня это трактуется как уменьшение свободы налогоплательщика тратить свои деньги по своему усмотрению⁵². Таким образом, свобода уменьшается прямо пропорционально уровню налогообложения. Поэтому уровень экономической свободы в СССР и Чехословакии того времени признавался, естественно, низким. Так, все еще были возможны цены ниже уровня издержек производства на одни товары, а на другие — выше, поэтому прибегали

⁵⁰ Jílek O. Vlastnické vztahy a ekonomická reforma // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 51.

⁵¹ Block (ed.) 1991: 88.

⁵² Block (ed.) 1991: 94.

к практике «чрезвычайной прибыли» для покрытия «плановых “чрезвычайных убытков”»⁵³. Это приводило к деформации деятельности предприятий и отраслей, ведь государство по-прежнему прибегало к практике манипулирования с плановыми заданиями и ценами, государственными контрактами, лимитами, нормативами, налоговыми ставками и т. д.

С налогообложением связано и такое обязательное условие функционирования экономической свободы как верховенство закона. Оно служит как для защиты отдельных лиц от преступных действий других лиц, так и для предотвращения принятия политическими лидерами произвольных и взбалмошных решений. А с правоприменением, как в СССР, так и в Чехословакии, дело обстояло сложно. Продолжалась не только активная законодательная деятельность (что было и логично в условиях создания легитимной основы реформ), но и игры с законом, что выливалось в принятие противоречивших друг другу актов и постоянный пересмотр показателей («игры с параметрами» и «правила игры»⁵⁴). Диссиденты даже говорили о том, что проблемы функционирования «старого нового экономического механизма», вероятно, заставят провести очередную «законодательную революцию»⁵⁵, так как именно право включает в себя измерение порядка в государстве, поэтому экономическая свобода была невозможна без свободы политической. Французский и чешский политолог Жак Рупник (род. в 1950 г.), сотрудничавший с журналом *Svědectví* с 1977 г., задавался вопросом: можно ли превратить уху в рыбу и возможен ли переход к демократии в условиях экономической катастрофы? И признавал, что освобождение национализированной экономики — гораздо более трудная задача, чем национализация свободной экономики⁵⁶.

На страницах диссидентской периодики затрагивались и другие индикаторы экономической свободы: отсутствие барьеров для вхождения бизнеса во все отрасли экономики, за исключением тех, которые влияют на внутреннюю и внешнюю безопасность, отсутствие контроля над заработной платой и ценами, а также отсутствие

⁵³ Šulc Z. Zpráva o stavu československé ekonomické reformy / Co napovídá přechod od projektů k realizaci // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 18. S. 141.

⁵⁴ Ibid. S. 145.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Rupnik J. Reformy: co všechno je ve hře // Svědectví. 1989. R. XXII. № 88. S. 787.

обязательного государственного распределения ресурсов и закупок продукции. В частности, наиболее разработаны эти вопросы были в работах авторитетного экономического аналитика Здислава Шульца (1926–2015). До 1971 г. он работал научным сотрудником в Институте экономики Чехословацкой академии наук, после — был исключен за «антисоциалистическую деятельность», потому публиковался уже только в самиздате и за границей. В работах Шульц, раскрыв сущностные характеристики реформ, критически оценивал реалистичность задуманного Горбачевым плана через призму экономической свободы. В частности, он много внимания уделял равенству базовых условий хозяйствования и необходимости скорейшего отказа от пагубной практики финансирования привилегированных отраслей и производств, даже за счет «вытеснения» других, что вылилось в высокую фондовооруженность и капиталовооруженность некоторых предприятий за счет других⁵⁷. Таким образом, для чешских экономистов принцип равенства или справедливости и его реализация рассматривались как необходимое условие не только возникновения социалистического предпринимательства, но и экономической свободы, ведь предоставление льгот отдельным компаниям нарушает последнюю.

Заключение

Анализируя преобразования в СССР в годы перестройки, а также состояние экономики Чехословакии во второй половине 1980-х годов, диссиденты представили свое понимание происходившего, в последующем их идеи легли в основу экономической трансформации в стране в начале 1990-х годов. А само понятие «экономическая свобода» стало фундаментом этих процессов. Оно превратилось в синоним защиты собственности, а свобода владеть имуществом рассматривалась, в свою очередь, как необходимое условие сохранения личной независимости. Однако уже тогда для экономистов, находившихся в оппозиции к коммунистической власти, это понятие включало в себя и роль государства в экономике, и сбалансированность налоговой системы, и сокращение государственного сектора

⁵⁷ Šulc Z. Hrozící katastrofa a jak jí čelit / K současnému stavu a výhledům československé ekonomiky // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 89.

и государственных расходов, и верховенство закона и равенство закона для всех, то есть эти взгляды вписывались в существовавшие в европейской экономической науке подходы в оценках природы экономической свободы. Начавшаяся в Чехословакии в конце 1980-х годов системная трансформация экономики позволила не только развить концепцию экономической свободы, но и проверить эффективность взглядов на практике. И несмотря на то, что в руководстве страны отсутствовал консенсус и были разработаны две программы экономических преобразований — «Реализация правительственной программы в области экономической политики» группы заместителя председателя федерального правительства Вальтра Комарека (1920–2013) и «Стратегия экономических реформ» группы министра финансов федерального правительства Клауса — экономическая свобода занимала в них центральное место (это и ставка на либерализацию цен, и внедрение свободного рынка, и поиск «достойного собственника» в процессе трансформации собственности). И в том, и в другом случае строительство рыночной экономики и особенно скорость реализации реформ расценивались как необходимое условие окончательного разрыва с прошлым. Поэтому публикации, выходявшие на страницах эмигрантской и самиздатской периодики, даже несмотря на их незначительные тиражи, способствовали распространению этих новых идей, определяли характер и направления будущих преобразований, готовили общественное мнение и выполняли функцию своеобразного запуска процессов модернизации экономики.

Список сокращений

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦК КПЧ — Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии

Литература

Корнаи 2012 — *Корнаи Я.* Размышления о капитализме. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 352 с.
Задорожник 2008 — *Задорожник Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М.: Индрик, 2008. 440 с.

- Маршалл 1993 — *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993. Т. 1. 415 с.
- Ойкен 1995 — *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 496 с.
- Фридмен, Хайек 1985 — *Фридмен М., Хайек Ф.* О свободе: сборник научных трудов. Вашингтон: Cato Institute, 1985. 135 с.
- Block (ed.) 1991 — *Economic Freedom: Towards a Theory of Measurement Proceeding* / ed. by Walter E. Block. Vancouver: The Fraser Institute, 1991. 214 p.
- Formanová, Gruntorád, Příbáň 1999 — *Formanová L., Gruntorád J., Příbáň M.* Exilová periodika. Praha: Ježek, 1999. 261 s.
- Klacek, Kupka 2018 — *Klacek J., Kupka V.* Renaissance of the Czech economics. The Prague Spring and the Institute of Economics of the Czechoslovak Academy of Sciences // *Soudobé dějiny*. 2018. Vol. 25. № 1–2. P. 109–146. DOI: 10.51134/sod.2018.007.
- Machovec 2009 — *Machovec M.* The Types and Functions of Samizdat Publications in Czechoslovakia, 1948–1989 // *Poetics Today*. 2009. Vol. 30. № 1. P. 1–26. DOI: 10.1215/03335372-2008-001.
- Otáhal 1994 — *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost 1969–1989: příspěvek k dějinám “normalizace”. Praha: Maxdorf, 1994. 124 s. (Historia Nova. Sv. 6).
- Otáhal 2011 — *Otáhal M.* Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, v.v.i., 2011. 649 s.
- Posset 1993 — *Posset J.* Česká samizdatová periodika 1968–1989. Brno: Továrna na sítotisk: Společnost pro reklamu a tisk R & T, 1993. 214 s.
- Skilling 1989 — *Skilling H.G.* Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe. London: Macmillan Publishers, 1989. 293 p.
- Šik 1967 — *Šik O.* Plan and Market Under Socialism. Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1967. 382 p.

References

- Block, W.E., ed., 1991. *Economic Freedom: Towards a Theory of Measurement Proceeding*. Vancouver: The Fraser Institute, 214 p.
- Eucken, W., 1995. *Osnovnye printsipy ekonomicheskoi politiki* [Basic principles of economic policy]. Moscow: Progress, 496 p. (in Rus.)
- Formanová, L., Gruntorád, J., Příbáň, M., 1999. *Exilová periodika*. Praha: Ježek, 261 p.
- Friedman, M., Hayek, F., 1985. *O svobode: sbornik nauchnykh trudov* [On Freedom: a collection of scientific papers]. Washington: Cato Institute, 135 p. (in Rus.)
- Kornai, J., 2012. *Razmyshleniia o kapitalizme* [Reflections on capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 352 s. (in Rus.)

- Klacek, J., Kupka, V., 2018. Renaissance of the Czech economics. The Prague Spring and the Institute of Economics of the Czechoslovak Academy of Sciences. *Soudobé dějiny*, 25, 1–2, pp. 109–146. doi: 10.51134/sod.2018.007.
- Marshall, A., 1993. *Principy ekonomické nauky* [Principles of economic science]. Vol. 1. Moscow: Progress. Univers, 415 p. (in Rus.)
- Machovec, M., 2009. The Types and Functions of Samizdat Publications in Czechoslovakia, 1948–1989. *Poetics Today*, 30, 1. pp. 1–26. doi: 10.1215/03335372-2008-001.
- Otáhal, M., 1994. *Opozice, moc, společnost 1969–1989: příspěvek k dějinám “normalizace”*. Praha: Maxdorf, 124 p. (Historia Nova, 6).
- Otáhal, M., 2011. *Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, v.v.i., 649 p.
- Posset, J., 1993. *Česká samizdatová periodika 1968–1989*. Brno: Továrna na síto-tisk: Společnost pro reklamu a tisk R & T, 214 p.
- Skilling, H. G., 1989. *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe*. London: Macmillan Publishers, 293 p.
- Šik, O., 1967. *Plan and Market Under Socialism*. Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 382 p.
- Zadorozhnyuk, E. G., 2008. *Ot krushenija Prazhskoj vesny k triumfu «barhatnoj» revoljucii. Iz istorii opozicionnogo dvizhenija v Chehoslovakii (avgust 1968 – nojabr' 1989 g.)* [From the Collapse of the Prague Spring to the Triumph of the Velvet Revolution. From the History of the Opposition Movement in Czechoslovakia (August 1968 – November 1989)]. Moscow: Indrik, 440 p. (in Rus.)

Natallia N. Prystupa

PhD, Associate Professor, Department of History of Belarus and Slavic Peoples, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus. 220030, Sovetskaia str., 18. E-mail: pnatalka@rambler.ru

The Concept of Economic Freedom in Czechoslovak Emigrant and Samizdat Magazines (1985–1989)

The analysis of the publications of émigré and samizdat journals reveals the essence of the concept of “economic freedom” as interpreted by Czech dissidents. The author emphasises that it became a central element of the transformation of the country’s economic system in the 1990s. It is stressed that perestroika in the USSR and Mikhail Gorbachev himself became a powerful external factor that intensified the process of its conceptualisation. The content of the concept was analysed through the prism of such aspects of economic development as state regulation, the phenomenon of private property, the tax system, the principle of the rule of law, and the existence of free access to all sectors of the economy. The author concludes that the Czech dissidents’ vision of economic freedom was in many ways consistent with both prevailing and later developed ideas about economic freedom and its place in society and the state. The article also shows the diversity of attitudes and perceptions about the future of Czechoslovakia in the “window of opportunity” that opened for it, without losing sight of the central role of economic freedom in achieving a free society. In addition, the study of Czech dissidents’ views on perestroika and Mikhail Gorbachev’ role in it made it possible to trace the development of their attitude to the processes both in the Soviet Union and in their own country. The analysis of this position is also valuable because it allows us not only to show what image of the USSR and of the General Secretary of the CPSU Central Committee himself was created on the pages of illegally published magazines, but also to determine the degree of development of economic thought in Czechoslovakia, which evolved under difficult conditions after the suppression of the Prague Spring, but was nevertheless able to absorb and generate advanced ideas.

Keywords: Czechoslovakia, economic freedom, economic transformation, dissidents, samizdat, perestroika

Received: 24 June 2024

Accepted: 02 August 2024

How to cite: Prystupa, N. N., 2024. Kontseptsiiia ekonomicheskoi svobody na stranitsakh chekhoslovatskoi emigrantskoi i samizdatskoi periodiki (1985–1989 gg.). *Central-European Studies*, 7, pp. 362–382. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.12>.